

Научная статья

УДК 165, 930.1

doi: 10.17223/1998863X/79/14

КАК СТРУКТУРИРОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Василий Николаевич Сыров¹, Елена Васильевна Агафонова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *agaton1810@gmail.com*

² *narrat59@gmail.com*

Аннотация. Предпринят анализ исследовательской литературы по теме времени, выявлены узловые аспекты критики сложившейся исследовательской традиции и предпринята попытка определения конструктивных путей в исследовании данной проблемы. Показано, что основной пафос критики направлен на версии исторического времени, явно или неявно связанные с идеями линейности, телеологичности, прогрессизма, европоцентризма и этноцентризма, а также на трактовку позиции историка как пассивного наблюдателя статичного прошлого. Выдвинут и обоснован тезис, что наиболее приемлемым для решения вопроса о природе исторического времени следует считать феноменологический подход, а основанием для отделения прошлого от настоящего – явные или неявные (в форме социальных практик) представления акторов (социальных групп) о завершенности/незавершенности тех или иных процессов либо событий.

Ключевые слова: историческое время, линейность, европоцентризм, конструктивизм, множественные темпоральности, синхронизация времени, преследующее прошлое, исторический опыт

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>.

Для цитирования: Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Как структурировать историческое время // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 146–164. doi: 10.17223/1998863X/79/14

Original article

HOW TO STRUCTURE HISTORICAL TIME

Vasily N. Syrov¹, Elena V. Agafonova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,*

¹ *narrat59@gmail.com*

² *agaton1810@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the research literature on the topic of time, identifies key aspects of criticism of the existing research tradition, and attempts to identify constructive ways to study this problem. It is shown that the main pathos of criticism is aimed at versions of historical time, explicitly or implicitly associated with the ideas of homogeneous time, linearity, teleology, progressivism, Eurocentrism and ethnocentrism, as well as the interpretation of the position of the historian as a passive observer of the static past. As is usually written in the literature, time, especially the past, also was interpreted as an empty

container that contained certain events and processes. From the position of the supporters of this approach, the function of the historian should be precisely to be the guardian of the boundaries separating the past from the present, and this historicization of the past should presuppose the need to establish such boundaries. Moreover, researchers such as Berber Bevernage and Chris Lorenz formulate a thesis about the “political nature” of temporal boundaries. Therefore, critical authors argue that researchers of historical time have paid little attention to the “performative” nature of temporal differences and that the establishment of modes of time (past–present–future) can be interpreted as a certain type of social action, conditioned by such definite social actors. It is argued that the past is dynamic, not static, and its boundaries are constantly being revised. The idea of blurring the boundaries between the present and the past (especially the recent one) has become very popular. Researchers note the persisting or repeating character of the past in the present. They talk about a resistant past, a past penetrating the present, a haunting past. As a result, many modern researchers insist that we should talk not so much about the acceleration of time in the modern era, but about fundamentally new approaches to time as such. They characterize the new understanding of time as “multilayered”, “heterogeneous”, “multitemporal” or “polychronic”. Constructivism, based on the idea of the mediation of any social experience, was chosen as the methodological basis for the formulation of the theses put forward. The chosen concept of time (as well as historical time) is based on a phenomenological interpretation of time. It is based on the interpretation of time as a structure consisting of such modes as past–present–future, each of which represents a temporal extension consisting of such elements as beginning–middle–final. Then its completeness should be considered as the criterion for separating the past from the present. If we deal only with certain types of knowledge or representations, then it is reasonable to believe that what individuals or groups consider completed explicitly, and more often implicitly, by the very form of their practices, should be considered completed. In other words, certain objects, events or processes should be considered completed not in a chronological sense. If objects cease to be an explicit or implicit basis (motivation) for social practices, then they belong to the realm of the past. This approach assumes the possibility of coexistence and interweaving of multiple temporal streams, and therefore the need for their synchronization if some social practices come into conflict with other social practices. We believe that attitudes towards such diversity may be different. If it is possible to convince society (take responsibility) that certain processes or events continue to matter (for example, the issue of restoring justice for victims), then these objects will remain the domain of the present. If memory from certain events is limited to the area of local communities (memorial communities, for example) or reduced to forms of working through trauma (for example), then these objects can be attributed to the area of the past.

Keywords: historical time, linearity, Eurocentrism, constructivism, multiple temporalities, time synchronization, haunting past, historical experience

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>

For citation: Syrov, V.N. & Agafonova, E.V. (2024) How to structure historical time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 146–164. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/14

Судя по всему, тема времени, а точнее исторического времени, была актуализирована в статье Франсуа Артога «Порядок времени, режимы историчности» [1], которая дала толчок и направление ее обсуждению. Что касается направления, то оно было связано с введением и обсуждением идеи тех самых «режимов историчности» или «форм согласования прошлого, настоящего и будущего». Сам автор утверждал, что это всего лишь эвристический инструмент, помогающий «лучше постичь не время вообще, все времена или целостность времени, но, главным образом, кризисные моменты времени, когда начинают терять свою очевидность сочленения прошлого, настоящего

и будущего» [1]. Артог, как известно, предложил также схему или логику смены режимов темпоральности, ставшую столь же популярным предметом дискуссий в исследовательской литературе. Что касается тезиса о толчке для исследовательского сообщества, то, судя по потоку литературы, идеи Артога дали импульс для постановки и осмысления весьма широкого круга вопросов, которые давно вышли за пределы тем, поставленных в самой статье и даже темы исторического времени.

Как правило, дискуссии по любой теме затрагивают два рода вопросов: во-первых, расширяют и углубляют область критики сложившейся исследовательской традиции, а во-вторых, предлагают те или иные конструктивные пути и способы заполнения пустот, порожденных критикой. Если начать с первого, то стоит отметить, что в литературе сложился целый набор понятий (если не сказать штампов), используемых для критической оценки объекта анализа. Как отмечают Золтан Симон и Марек Тамм, «линейность, процессуальность развития, телеология и понятие прогресса подвергались бесчисленной критике за последние более чем полвека» [2. Р. 9]. Конечно, концепция прогресса критикуется еще с начала XX в., поэтому новизну можно усмотреть в смещении ее акцентов. Вопрос был поставлен по поводу той модели времени, которая имплицитным образом в ней предполагалась. Кстати, актуализирован был именно сам факт доверия исследовательского сообщества к используемым темпоральным понятиям или, как подчеркивает Александра Лианери, был «брошен вызов самоочевидной природе темпоральных концептов» [3. Р. 605].

У исследователей и по этому поводу сложился соответствующий набор понятий, характеризующих занятую критическую позицию, а именно по отношению к современным трактовкам, провозглашающим «однородность, дискретность, линейность, направленность и абсолютность времени» [3. Р. 605]. Как известно из литературы, время трактовалось как пустой контейнер, в котором содержались те или иные события и процессы. Понятно, что такое понимание не давало никаких критериев отделения прошлого от настоящего (и будущего), кроме чисто хронологической удаленности. Соответственно, столь же очевидными для историков, согласно их критикам, казались границы отделения прошлого от настоящего, как, впрочем, и механизм их смены, связанный с безальтернативностью и жесткой каузальностью. Обобщая все эти характеристики и отталкиваясь от размышлений Алейды Ассман, Симон и Тамм сводят так называемый современный режим времени к реализации трех основных черт: концепция времени в период модерна строится на а) диалектике изменения и устойчивости во времени, непрерывности и прерывистости, временного разрыва и временной привычности; б) ориентации на будущее и в) универсальной применимости, поскольку идея прогресса, особенно в трудах Герберта Спенсера, в частности критерии, им предложенные (пресловутый рост интеграции и дифференциации), были распространены не только на все сферы общественной жизни, но и на сферу живой и неживой природы [2. Р. 11–16].

Собственно это убеждение в универсальности прогресса и было актуализировано в так называемых постколониальных исследованиях в виде критики европоцентризма. Как указывали Бербер Бевернаж и Крис Лоренц, теоретики постколониализма критиковали эту концепцию времени как лежащую в ос-

нове идеи развития и отработанную на материале западной истории (например, в ее периодизации) и как по своей сути телеологическую, позиционирующую Запад как неявную историческую судьбу остального мира [4. Р. 40]. Специалисты резонно полагают, что именно труды теоретиков постколониализма стали одним из оснований темпорального поворота, хотя сама по себе критика европоцентризма отнюдь не нова. Еще знаменитый Освальд Шпенглер неоднократно подчеркивал, что «мы, люди западноевропейской культуры, с нашим историческим чувством являемся исключением, а не правилом. „Всемирная история“ – это наша картина мира, а не картина „человечества“» [5. С. 142]. «Будущим культурам покажется маловероятным, что эта проекция (Древний мир – Средние века – Новое время) со всей ее простодушной прямолинейностью, ее вздорными пропорциями, становящаяся от столетия к столетию все более невозможной и совершенно не допускающая включения заново вступающих в свет нашего исторического сознания областей, ни разу не была-таки серьезно поколеблена в своей значимости» [5. С. 144]. Поэтому, как провозглашал Шпенглер, безрадостную картину линейной истории можно поддерживать, «лишь закрывая глаза на подавляющую груду фактов» [5. С. 151].

Обобщая результаты трудов основоположников постколониализма, Прашант Кидамби указывает, что, «во-первых, постколониальные теоретики актуализировали эволюционистские и историцистские допущения европейских писаний по поводу колонизированных обществ, которые основывались на отрицании их одновременности с западным миром. Во-вторых, они показали, как писатели-националисты в колониальных обществах усвоили многие предположения европейских правящих элит и стремились использовать историю как признак своей собственной современности. В ходе этого процесса история как тип знания оказалась «вовлеченной в жестокую борьбу за господство над другими модусами времени и типами знания. В-третьих, профессиональные историки, пишущие с постколониальной точки зрения, также стремились разработать альтернативы хронологической истории, используя различные новаторские повествовательные стратегии» [6. Р. 229–230].

Согласно замечанию Симона и Тамма, казалось бы, концепции прогресса или модернистского исторического времени должны были дискредитировать себя к настоящему времени, но его открытое отрицание сопровождалось и сопровождается широким распространением практик его применения, в частности в виде тезиса о несомненном прогрессе в отдельных сферах человеческой деятельности [2. Р. 9]. Более того, в своей критике модернистского исторического времени сами критики зачастую опираются на его же постулаты (линейность, поступательность развития) [2. Р. 10]. Отрицание наличия исторического времени за пределами Запада приводит авторов либо к отрицанию историчности как таковой за его границами Запада в целом [2. Р. 6], либо так сказать, к выплескиванию с водой самого ребенка. В этом аспекте стоит обратить внимание на замечание Йорна Рюзена, что большинство попыток критиковать западный этноцентризм и заменить его облагороженным образом незападных культур приводит к воспроизводству этноцентризма самой критикой его западной манифестации [7. Р. 58]. Тем самым, определяя и критикуя этноцентризм или этноцентрический нарциссизм в доминирующих (западноевропейских) исторических нарративах, исследователи рискуют весьма

нерефлексивным образом сохранять и транслировать этот формат истории применительно к собственному прошлому. Как неоднократно подчеркивал тот же Рюзен, логика этноцентризма имплицитно или эксплицитно строится на телеологической непрерывно развертывающейся ценности формирования идентичности и моноцентричной пространственной организации собственной формы жизни в ее временной перспективе [8. Р. 122]. По сути, речь идет о воспроизводстве все той же линейной модели времени, правда, лишенной ее универсальности.

Более глубокий уровень критики линейной концепции времени, а вернее, тех следствий, которые из нее вытекают, мы можем увидеть в рассуждениях З. Симона по поводу сравнения историцистского и конструктивистского подходов к истории. Ключевая идея историцизма или историзма, как отмечает Симон, заключается в утверждении, что «природа любой вещи лежит в ее истории» [9. Р. 1178]. Он указывает на некоторую тонкость, которая лежит в основе этого, казалось бы, несомненного достижения европейской мысли. Дело в том, что она предполагает наличие такой сущности как «природа вещи», как нечто такое, что может быть раскрыто, «посредством того, как оно развивалось с течением времени». Радикальность же конструктивизма заключается в утверждении, что «не существует такого понятия, как „природа“ вещей, есть только их история» [9. Р. 1178]. По сути, можно провести некоторую параллель между историзмом и этноцентризмом, поскольку тот также строится на признании такой сущности, как идентичность, и трактовке истории лишь как места ее раскрытия. В этом плане конструктивизм можно трактовать как более радикальное понимание историзма, поскольку он утверждает, что любой объект не только раскрывается в ходе истории, но и возникает (добавим к этому, и исчезает) в ней. Иначе говоря, время поистине следует считать не контейнером, в котором содержатся, пусть даже изменяясь, те или иные вещи, а скорее сутью вещей. Вернее, время и есть возникновение, трансформация и исчезновение тех или иных вещей. Хотя более точное для конструктивизма утверждение заключается в том, что более продуктивно придерживаться такого подхода к трактовке времени и темпоральности исследуемых объектов (хотя конечно, знать, когда именно вещи, особенно современные, исчезнут, мы, исходя из установок того же конструктивизма, не можем). Как следствие, такой подход позволяет Симону вводить идею так называемого «беспрецедентного изменения» [9. Р. 1180] или радикальной новизны в истории, которая заключается в возникновении объектов, смещающих старые объекты, но лишенных всякой преемственности с ними.

Это сравнение историзма и конструктивизма позволяет перейти к анализу еще одной линии критики прогрессистской концепции времени. Как отмечает Лианери, современные исследования бросают вызов идентичности историков как неких объективных наблюдателей статичного прошлого, от которого они предположительно отделены [3. Р. 605]. Тот же аспект в трактовке статуса историка подчеркивают Бевернаж и Лоренц, когда указывают, что по мере удаленности прошлого от настоящего позиция исследователя все более приобретает характер роли бесстрастного наблюдателя, а не активного участника [4. Р. 34]. Традиционно предполагалось, что соблюдение этого условия должно обеспечить пресловутую объективность исторического исследования. Более того, Бевернаж и Лоренц приводят пример исследователь-

ской позиции, суть которой заключается в утверждении, что историки должны сопротивляться искушению стать «агитаторами памяти» и растущей одержимости ею [4. Р. 42]. Они цитируют слова французского историка Анри Руссо, что историческое познание предполагает освобождающий тип мышления, отвергающий убеждение о предопределенности обществ или индивидов своим прошлым без возможности избежать этой предопределенности [4. Р. 42]. Поэтому, с его позиции и позиции сторонников такого подхода, функция историка как раз должна заключаться в том, чтобы быть хранителем границ, отделяющих прошлое от настоящего, а проводимая им историзация прошлого – предполагать необходимость установления таких границ.

Если теперь начать двигаться в сторону характеристики предполагаемых конструктивных изменений, то резонно оттолкнуться от тезиса о пассивности (даже рекомендуемой) историка. Так, Симон и Тамм начинают свои размышления о природе исторического времени с программной установки: «Понятие исторического времени относится ко времени не как к абстрактной и однородной сущности, а как к динамической контекстуализированной составляющей человеческой жизни, сформированной историческими событиями, социальными и политическими структурами, а также нормами культуры» [2. Р. 1], подчеркивая тем самым аспект обусловленности путей и способов отделения прошлого от настоящего не столько эпистемологическими, сколько практическими (социально-политическими) потребностями. В более категоричной форме эта мысль выражена Бевернажем и Лоренцом, когда они утверждают, что исследователи исторического времени мало уделяли внимания «перформативному» характеру временных разграничений и что установление модусов времени (прошлое–настоящее–будущее) можно трактовать как определенный тип социального действия, обусловленный столь же определенными социальными акторами [4. Р. 34]. Более того, они актуализируют тезис о «политической природе темпоральных границ» [4. Р. 35]. К этому можно добавить, что данное утверждение отнюдь не означает вовлеченности самих историков в собственно политическую активность, хотя сам тезис о том, что они не являются и не должны являться простыми пассивными наблюдателями чуждого им прошлого, столь же широко дебатировался в литературе. В принципе можно утверждать, что сама претензия на установление таких границ, не важно кем и почему она делается, явится актом политическим или, по крайней мере, идеологическим, а не просто эпистемологическим. Поэтому мысль о политической природе темпоральных границ скорее актуализирует тему повышения рефлексивности исследователей по поводу их происхождения и значения.

Соответственно, тезис о «перформативности» влечет за собой пересмотр представлений о характере исторического времени в целом и статусе прошлого в частности. Мысль о том, что прошлое не статично, а динамично и фактически пребывает в состоянии постоянного, хотя и более имплицитного переосмысления, к настоящему времени уже стала общепринятой. Столь же общепринято соотносить эту трансформацию с актуализацией темы памяти и связанной с ней темой недавнего прошлого, в отношении которого вопрос о наличии однозначных границ между прошлым и настоящим был наиболее проблематизирован. Исследователи в один голос стали говорить о прошлом, проникающем в настоящее, вечном прошлом, прошлым, застрявшем в насто-

ящем, сопротивляющемся прошлому. Как отмечает Тамм, «с точки зрения презентистских представлений о памяти, прошлое оказывается далеким от окончания и завершенности, но продолжающим жить многими разными способами; прошлое стало частью настоящего» [2. Р. 51]. Уже давно в литературе отмечался тот факт, что болезненное и даже травматическое отношение к прошлому, как правило недавнему (хотя речь может идти и о событиях достаточно далекого прошлого), может приводить к тому, что хронологически удаленные по времени события могут восприниматься и переживаться как часть настоящего или как «живое настоящее». По этому поводу Бевернаж и Лоренц приводят соответствующие высказывания ряда исследователей, что время жертв или свидетелей носит скорее синхронный, чем диахронный характер, более связано с одновременностью, чем с линейностью [4. Р. 43]. Отношение к подобному роду положению дел может быть весьма различным: от призыва позволить прошлому стать прошлым до требования восстановления справедливости, но одно кажется несомненным. Не хронологическая удаленность становится решающим критерием отделения прошлого от настоящего.

В итоге многие исследователи в один голос твердят о том, что следует говорить не столько об ускорении времени в современную эпоху, сколько о принципиально новых подходах ко времени как таковому. Согласно Тамму, в качестве альтернативных подходов можно использовать идею «множественных темпоральностей» [10. Р. 4]. В самом общем виде такую концепцию можно свести к совокупности следующих положений. Прежде всего, это признание как множественности временных линий, так и их разной направленности, не сводящейся к традиционным форматам цикла или линии. Это отказ от жесткого детерминизма в трактовке связи прошлого, настоящего и будущего и интерпретация времени как веера возможностей. Также под сомнение стала ставиться версия времени как некоторого непрерывного потока, что позволяло трактовать его не только как цепь преемственностей, но и как серию разрывов. Кроме того, такое время можно было бы представить как наложение разных временных линий, к примеру, в одной и той же культуре (пресловутая «многослойность»), но в виде не соотношения «поверхности/глубины», а переплетения («просачивающееся») темпоральностей, которое обусловлено спецификой исторического момента. Ну и стоит заметить, что данный подход также строится на отказе от фиксированного числа временных потоков и допущении, что их число может увеличиваться или сокращаться, при том что каждая временная линия может менять свое направление и границы отделения прошлого от настоящего. Наконец, он предполагает, так сказать, разную скорость временных потоков или разное восприятие темпов времени. Поэтому, как справедливо отмечает Бевернаж, «явления, которые ассоциируются с прошлым у представителей определенного класса или культурной группы в определенном регионе мира, могут вполне восприниматься как современные другими классами и группами» [11. С. 83].

Однако как только такой вопрос поставлен, он влечет за собой следующий. «Как такие различные темпоральности могут быть связаны друг с другом без обращения к концепции эволюционной истории?» – указывает Ланиери [3. Р. 613]. Судя по всему, наиболее привлекательным и продуктивным видится ответ в виде идеи синхронизации этих всевозможных темпоральностей. Причем такая синхронизация, с одной стороны, предполагает отказ от

маркировки тех или иных форм времени как воплощений «отсталости», «примитивности», но с другой стороны, строится на признании идеи «неравенства во времени и исторической не-современности» [12. С. 200–201]. Как пишет по этому поводу неоднократно цитируемый нами Б. Бевернаж, «высказывание, что Другой живет в другом времени или историческом измерении, само по себе не является идеологическим: этот эффект появляется в момент, когда кто-то заявляет, что Другой переживает более раннюю „фазу“ нашей собственной истории/времени» [12. С. 200].

Критика сложившихся темпоральных границ, связываемых с прогрессистской концепцией исторического процесса, неизбежно влечет за собой предложения по поводу новых способов структурирования времени. Характерно в этом плане рассуждение З.Б. Симона: «Во-первых, можно ли представить историческое время в иных терминах, нежели процесс и развитие? Во-вторых, может ли такая, отличная от процессуальной, темпоральность все еще быть „исторической“ (то есть сохранит ли она в себе идею возможности перемен, наступающих в человеческих отношениях с течением времени)» [13. С. 222]. Сам Симон предлагает различать процессуальную темпоральность, которая предполагает «изменения состояния субъекта в человеческом мире, разворачивающиеся на фоне глубокой темпоральной непрерывности» [13. С. 237], и событийную, которая строится и определяется радикальными и беспрецедентными переменами, для которых наиболее уместным является использование термина «событие» [13. С. 237]. В отечественной литературе сходную позицию отстаивает Оксана Головашина [14. С. 226–244].

Таким образом, анализ как критических, так и конструктивных соображений о природе исторического времени позволяет сделать некоторые выводы, которые, в свою очередь, могут предстать основанием для некоторых предлагаемых соображений по этому поводу. Прежде всего, бросается в глаза обилие метафор, посредством которых описываются те или иные его сущностные черты. Такое положение дел понятно, поскольку любая новая идея первоначально и может быть представлена только в форме метафоры. Но поскольку любая метафора требует интерпретации, а они могут весьма различаться, видится возможной и даже необходимой процедура их приемлемой интерпретации. В первую очередь это обстоятельство касается вопроса о природе исторического времени и определении границ, отделяющих прошлое от настоящего, особенно в свете тезиса о так называемом преследующем прошлом или сопротивляющемся прошлом. Во-вторых, поскольку современные трактовки времени исходят из его многовариантности, постольку ключевым становится вопрос о перспективах и возможностях синхронизации. Полагаем, что в литературе этот вопрос лишен пока однозначного решения, оставляя тем самым место для его дальнейшего осмысления. Итак, схема и последовательность последующих рассуждений представлены.

Формулировку некоторых собственных соображений о природе исторического времени начнем с краткой характеристики выбранной методологии, а точнее, с эпистемологической программы, предполагая тем самым ее более-менее универсальную применимость, не сводящуюся к уместности только для анализа данной проблематики. Полагаем, что это конструктивизм, который строится на убеждении (обоснованном, естественно), что наш опыт или любые объекты, которые нам в этом опыте даны или могут быть даны, несут

опосредованный характер и иными быть не могут (по крайней мере, пока в силу отсутствия убедительных контраргументов). Иначе говоря, любые объекты нашего опыта могут быть даны только в форме представлений о них: обыденных, научных, религиозных, мифологических и других, а их характеристика (а именно обоснование выбора) не нуждается в апелляции к аргументам типа «соответствие объективной реальности». Последнее можно назвать своеобразным избыточным добавлением, ничего продуктивного к характеристике этих представлений не добавляющим. Но с другой стороны, конструктивизм требует от его сторонников определенной тщательности в используемом стиле и языке описания (не прибегать к высказываниям типа «на самом деле»).

В выборе концепции времени будем опираться на феноменологический подход, применительно к истории развитый в работе Дэвида Карра «Время, нарратив и история» (1986). Карр, как известно, отталкивался от гуссерлевских рассуждений о природе времени. В рамках данного подхода процедуру схватывания, в частности восприятие объекта, следовало уподобить не обобщению потока мгновенных вневременных слепков или образов объекта посредством их накладывания друг на друга и отождествления путем нахождения сходств и отбрасывания различий, а складыванию частей в целое, где каждая часть приобретает значение только в контексте длящегося целого и сохраняет его только в отношении к чему-то до- и после-. Схватывание целостности объекта, тем самым, вне зависимости от того, является ли он единством во времени или временной последовательностью, следовало представлять как временное растяжение или темпоральное простираение. Если опустить промежуточные звенья рассуждений Карра, то этот тезис означал, образно говоря, что не объекты следовало толковать не как находящиеся во времени или проходящие через временной поток, а само время как нечто возникающее, длящееся и уходящее.

Следующий важный аспект рассуждений Карра состоял в определении характера процедуры схватывания, а по сути, трактовки структуры времени в целом. Он подчеркивал, что «великий вклад Гуссерля лежит в его полагании особой формы памяти, которую он называл первичной памятью или ретенцией, и в резком различении, которое он проводил между ею и памятью в обычном смысле, вторичной памятью или воспоминанием. Действительно, они представляют собой сознание прошлого, но их функции в жизни сознания совершенно различны» [15. Р. 21]. То же касается различения «протенции», или ожидания и проектирования будущего. Ретенцию, как и протенцию, следовало считать составными частями схватывания объекта как целостности. Вторичная же память выполняет функцию воспроизведения в сознании некогда воспринятого объекта. Поэтому воспоминания, отмечал Карр, как форма опыта могут иметь место или не иметь, приходить и уходить, ретенция же является необходимым элементом любого опыта [15. Р. 22]. Иначе говоря, не все, что хронологически прошло до точки «теперь» является прошлым, и не все, что хронологически наступит, следует считать будущим. Опять-таки, пропуская промежуточные звенья его рассуждений, можно было утверждать, что и само время тогда правомерно трактовать как структуру, состоящую из таких модусов, как прошлое, настоящее и будущее, каждый из которых представляет собой не сумму объектов и не миг между прошлым и будущим

(в случае настоящего), а темпорально организованную длительность, конституированную такими элементами, как начало—середина—финал (аналогичными ретенции, импрессии и протенции или структуре нарратива).

На этом этапе рассуждений следует задержаться для некоторых комментариев. Во-первых, начнем с тезиса о феноменологическом подходе. Можно, конечно, утверждать, что это всего лишь феноменологическая концепция времени, полагая, что возможны и другие его версии. Бесспорно, что любая идея всегда возникает в рамках какого-либо подхода или направления. Но так же бесспорно, что она может обрести степень успешности и популярности, придающую ей более-менее общезначимый характер. Полагаем, что с полным правом этот тезис можно отнести к данной концепции. Во-вторых, что касается тезиса о множественности времен. Полагаем, что он прекрасно совместим с данным подходом, поскольку признание разных темпов и направленности протекания времени не только не противоречит, но и предполагает предлагаемую трактовку времени. Ну и, в-третьих, в современных представлениях время принято трактовать как универсальный контекст нашего пассивного и активного опыта. Поэтому мы, естественно, не можем толковать его как некий объект, который можно осмысливать с некоторой внешней (вневременной) позиции. Но это не препятствует нам трактовать те или иные версии времени как некий эффективный инструмент для решения тех или иных задач, не претендуя на то, что мы получили, наконец, последний и окончательный ответ по данной теме.

Итак, как уже было подчеркнуто, настоящее следует считать не мигом, а некоторой темпорально растянутой длительностью. Тогда встает принципиальный вопрос об определении границ, отделяющих прошлое от настоящего (ну и от будущего, естественно). Мы, конечно, не можем утверждать, что настоящее начинается с окончания Второй мировой войны или с падения Берлинской стены, к примеру. Это дело историков, социологов, политологов и политиков, в конце концов. Хотя необходимости исторической теории, призванной дать интерпретацию или обоснование предлагаемым границам, никто не отменял. Но некоторые соображения методологического характера предпринять можем.

Если говорить о сугубо формальных признаках, то принято считать, правда, применительно к историческому времени, что прошлое следует трактовать как нечто завершившееся, а точнее, те или иные события или процессы считать закончившимися, что суть этой дистанции от настоящего еще и в том, что они уже чужды нам, и даже не в смысле понятности смысла тех или иных объектов, а в смысле исчезновения (каузальной) значимости их для нас. В этом плане исследователи настаивают на интеллигибельности прошлого, а именно не просто наличия и доступности источников, но и применимости общепринятых процедур работы с ними. Как отмечает П. Кидамби, «прошлое также подобно настоящему в том, что должно подчиняться тем же критериям понимания и объяснения, как и настоящее» [6. Р. 223].

Ключевой вопрос заключается в том, что и почему следует считать завершившимся. В его обсуждении будем отталкиваться от утверждения, что проблематично установить какие-либо так называемые объективные критерии отделения прошлого от настоящего. Наш тезис будет заключаться в следующем соображении. Если мы имеем дело только с теми или иными видами

знаний и представлений о мире, то резонно полагать, что завершившимся следует считать то, что явно, а чаще неявно самой формой своих практик индивиды или группы считают завершившимся. Иначе говоря, те или иные объекты, события или процессы следует считать закончившимися не в хронологическом смысле (не подписанием мирного договора, к примеру), а тем, что они уже не влияют или не обуславливают объекты, хронологически возникающие после них. Например, если экономические процессы 1960-х гг. определяются не влиянием Великой Отечественной войны, а другими более поздними причинами (поздней экономической политикой Сталина или Хрущева, например), значит война будет относиться к прошлому, а не к настоящему (если, конечно, мы не докажем, что вышеописанные процессы и по сей день влияют на нас). Более строго, с конструктивистских позиций этот тезис звучал бы так: если исследователи могут убедительно показать, что для индивидов явно, а скорее неявно реализацией самих жизненных практик утрачивают свое значение те или иные формы действий и их мотивация, тогда можно утверждать, что данные формы жизни начинают удаляться в область прошлого. Собственно, это и означает утрату значимости, о которой говорилось выше. Использование термина «социальные практики» кажется уместным потому, что связывает мотивы и действия, а именно обусловленность (обычно неререфлексивную) действий представлениями. Конечно, индивиды могут верить в разные вещи. Их действия и мотивы могут быть обусловлены идеологией, часто оторванной от других социальных практик. Это, конечно, усложняет исследовательскую картину, поскольку приходится говорить о более опосредованных формах этих социальных практик и более длинных путях воздействия хронологически ранних объектов на поздние (и разочарованиях, связанных с ними). Но, на наш взгляд, это не отменяет сформулированного выше ключевого тезиса, а требует лишь дополнительных комментариев к нему.

Прежде всего отметим, что этот наш тезис поясняет важную идею Рейнхарта Козеллека, что «опыт и ожидания являются двумя категориями, уместными для трактовки исторического времени». Также он отмечает, что они «также подходят для обнаружения исторического времени в области эмпирических исследований» [16. Р. 258]. Иначе говоря, насколько пространство личного или чужого опыта повторяется, настолько можно полагать, что современность (или прошлое) воспроизводит себя, длясь, так сказать, в хронологическом времени, что и может быть зафиксировано исследователями. Далее следует отметить, что данный подход позволяет в новом свете истолковать тезис Бевернажа о структурировании времени как политическом акте. Наиболее уместно здесь оттолкнуться от мысли Гегеля о сущности всемирно-исторических личностей: «Они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно» [17. С. 82]. Это суждение означает, что действия (политические, по сути) тех или иных индивидов или групп могут стать и становятся толчком к созданию новых форм жизни, основанием для изменения массовых социальных практик и тем самым импульсом к формированию новых этапов времени (отделяющих настоящее от прошлого, к примеру).

С этой точки зрения данные акты не следует считать воплощением субъективности и произвола в противовес неким «объективным процессам». Скорее, они и есть форма реализации истории. Понятно, что индивиды и группы

могут ошибаться в определении уместности и необходимости тех или иных действий. Но и эти ошибки также относятся к формам и темпам протекания исторического времени, а точнее, его современного понимания. Поэтому историк вполне может констатировать, что, несмотря на попытки реформаторов, социальные практики остались прежними и потому лишь воспроизводящими те или иные этапы исторического времени. Помимо прочего, данный тезис позволяет увидеть работу историка в несколько новом свете, а именно в контексте ее осмысления с позиций формирования исторического времени. Кстати, таким образом можно говорить о разных стадиях или этапах прошлого, чего, видимо, не скажешь о настоящем.

Однако если прошлое определяется представлениями о его завершенности, то как быть с констатацией разных темпов протекания тех или иных процессов в обществе? По сути, речь идет о возможности и необходимости процедуры синхронизации. Но прежде чем обратиться к этому финальному этапу наших рассуждений, следует акцентировать вопрос о собственно историческом времени. Понятно, что не все в прошлом актуально относится к области истории и даже не все, что сохранилось в источниках или в памяти. Но потенциально таким может быть все что угодно. Например, история повседневности или жизнь социальных низов, которая в веке 18-м или 19-м могла не интересовать историков. В решении вопроса о критериях определения исторического времени будем опираться на идеи Артура Данто. Понятно, что если время и есть сами исторические объекты, то тогда оно будет тождественно темпам, количеству и завершенности тех или иных объектов. Проще говоря, много событий – время бежит, мало – время тянется. Вопрос тогда будет заключаться в том, что из них следует относить к историческим. Как отмечал Данто, чтобы описание приобретало исторический характер, оно должно содержать ссылку на два различных и разделенных во времени события, хотя в них будет описываться более раннее из этих событий. В качестве примера он приводит следующее рассуждение: «Предложение „Тридцатилетняя война началась в 1618 г.“ ссылается на начало и окончание войны, но описывается в нем только начало войны. Принимая во внимание, что эта война была так названа из-за ее длительности, никто не мог охарактеризовать ее в 1618 г. или в любое другое время до 1648 г. как „Тридцатилетнюю войну“» [18. С. 148].

Более упрощенно можно сказать, что историческими следует считать объекты, которые порождают некоторые значимые последствия. Вообще-то и сам Данто не возражает против такой трактовки [18. С. 128]. Опять-таки, опуская комментарии по этому поводу, мы можем утверждать, что писать историю – значит выбирать и описывать те или иные объекты в свете порожденных ими последствий. Понятно, что определяющим критерием значимых последствий следует считать современность. Этот тезис делает понятным утверждение о подвижности прошлого в плане не только смещения границ между ним и так называемой современностью, но и периодического переопределения исторического статуса объектов.

Обратим здесь внимание на один принципиальный момент. Такая трактовка исторического прошлого предполагала бы его истолкование как некоторой каузальной цепи, тянущейся из прошлого в настоящее. Но согласно выше изложенной трактовке времени следовало бы вообще отказать истори-

ческому прошлому в, скажем так, существовании. Если же признавать в прошлом наличие разрывов (в каузальной цепи), то мы вернулись бы к вопросу о критериях определения исторического даже в собственном национальном прошлом. Но ведь значимость (что более согласуется с конструктивистской эпистемологией) можно трактовать как возможность (и необходимость) восприятия тех или иных фрагментов прошлого как некоторого опыта. Иначе говоря, нам интересна история, к примеру, древнеегипетской культуры, что и делает ее историческим объектом именно потому, что мы можем осмыслить ее как некоторый значимый культурный (исторический) опыт, хотя вряд ли нам удастся установить ее каузальную связь с иной национальной историей. Поэтому полагаю, что и по сей день не утратила своего значения мысль Г. Болингброка, что «должным образом поставленное обучение истории чрезвычайно содействует ограждению нашего ума от смехотворного пристрастия к собственной стране и порочного предубеждения против других, тем не менее, те же самые занятия порождают в нас чувство особой привязанности к своему отечеству» [19. С. 16]. Ну и, как справедливо заметил английский мыслитель, если историк «написал хорошую историю перуанцев или мексиканцев, китайцев или татар, москвитов или негров, мы можем винить его, но в еще большей мере должны винить самих себя за то, что не извлекли из нее философского урока» [19. С. 63]. С этой точки зрения вслед за Болингброком мы могли бы утверждать, что констатация задним числом тех или иных процессов как повторение прошлого свидетельствует о том, что из прошлого не извлечен надлежащий урок.

Последняя мысль заставляет еще раз вернуться к утверждению Р. Козеллека о роли пространства опыта и горизонта ожиданий как метаисторических категорий. Ведь в рамках его идей повторяемость и относительную успешность социальных практик стоит более связывать с их ролью в отделении прошлого от настоящего, чем с определением смысла и ценности самого исторического прошлого. Полагаем, что здесь возможно выдвинуть следующие тезисы, позволяющие прояснить предлагаемые нами идеи. Бесспорно, личную жизнь также можно трактовать как серию исторических опытов. Столь же бесспорно, что то, что для индивида явится личной историей, для общества или группы может оставаться современностью, а именно трактоваться как серии рутинных практик. Поэтому, так сказать, большая история приобретает смысл или ценность для индивида только тогда, когда он начинает воспринимать себя как часть «Мы». Столь же допустимо утверждать, что рутинность повседневных практик на другом уровне происходящего или с других позиций может восприниматься как некоторая завершенность. Такой подход можно трактовать с позиций «часть–целое», что, видимо, более правомерно для трактовки прошлого как истории при переключении идентичности с «Я» на «Мы». Так, с позиций «целого» или «Мы» прошлое уже закончилось, а с позиции «части» или «Я» практики еще остаются и кажутся рутинными. В этом плане несколько иной акцент приобретает тезис Болингброка, что «опасно руководствоваться конкретными примерами» [19. С. 25]. В соответствии с идеями Козеллека он может означать, что чем более расширяется горизонт ожиданий в силу накопления непредвиденных последствий и осознания неопределенности будущего, тем более сужается пространство эффективности рутинного опыта (т.е. сфера настоящего) и растет

тенденция к осмыслению или восприятию хронологических отдаленных объектов не как причин, обуславливающих настоящее, а именно как исторического опыта. Ну и, наконец, если отделение прошлого от настоящего – это акт политический, то он становится фактически актом явного или неявного принятия решения соответствующими акторами в тех или иных интересах и толчком для переориентации социальных практик и мотивов, к ним побуждающих.

Эти соображения по поводу осознания разных темпов протекания и способов восприятия времени на уровне приватном и публичном подталкивают к финальной стадии осмысления темы времени, а именно к вопросу о принципах его синхронизации. Причем вопрос этот предстает не еще одной из тем, которую можно обсудить (а можно этого и не делать), а необходимым шагом в рассмотрении путей и способов структурирования исторического времени, особенно с позиций конструктивистской парадигмы. Ведь очевидно тогда, что отделение прошлого от настоящего будет определяться не некоторыми объективными обстоятельствами, а явно или неявно занятой позицией. Поэтому, как отмечал Б. Бевернаж, мы и наши современники могут проживать в разных мирах. То, что для одних кажется длящимся настоящим, для других может восприниматься как глубокое прошлое, ну и что само по себе это обстоятельство еще не является основанием для обвинения в несовременности. Добавим, что общие принципы такой синхронизации можно считать одинаковыми, идет ли речь о восприятии времени внутри одного и того же общества или о разных обществах.

Так, во-первых, констатация многообразия способов восприятия времени еще не требует с необходимостью их синхронизации. Если социальные практики одних не вступают в серьезные противоречия с практиками других, то нет оснований навязывать им свои представления о современности или принимать их установки, да и вообще пытаться их каким-либо образом согласовывать.

Во-вторых, в свете доминирования ориентаций на поиск консенсуса, резонно полагать, что процедура синхронизации в качестве методологически первого шага будет требовать начинать именно с попыток поиска путей для диалога. Хотя понятно, что не все формы восприятия времени будут универсально приемлемыми. Так, мы можем желать, чтобы те или иные рутинные практики ушли в прошлое и весьма негативно относиться к тем или иным формам жизни.

В-третьих, следует помнить, что призыв к синхронизации требует разработки надлежащих инструментов. Возможно, что в свете тезиса о мультитемпоральности осмысление и поиск таких инструментов станут одним из важных направлений исследовательской работы. Но можно предположить, что они существовали и раньше, хотя и в неотрефлектированной форме. Так, можно предложить следующий пример, пусть и из другой сферы, а именно из прочтения идей Макса Вебера о роли протестантской этики в формировании духа капитализма. Можно утверждать, что представления о том, что определенные социальные группы просто цинично воспользовались идеологией протестантизма для легитимации своей деятельности, были бы весьма упрощенной или односторонней трактовкой происходивших процессов. Поэтому резонно полагать, что для искренне верующих индивидов протестантизм предстал бы давно искомым ответом на мировоззренческий вопрос «Как

правильно верить?» и обретением смысла жизни, так сказать. Но в любом случае предложенная трактовка религиозной веры представляла тогда соответствующим синтезирующим или синхронизирующим путем для тех, кто имплицитно или эксплицитно воспринимал ее как средство, и для тех, кто видел в ней искомую цель.

В-четвертых, стоит отдельно обратить внимание на вопрос о так называемом преследующем прошлом. Тогда продвигаемый в статье тезис о зависимости завершенности тех или иных объектов от социальных практик можно считать неполной формой ответа на вопрос о критериях структурирования времени. Прежде всего, к нему стоит добавить, что если удастся убедить общество, что те или иные процессы или события продолжают играть значение и по сей день (к примеру, вопрос о восстановлении справедливости для жертв), то они будут оставаться или считаться современностью. Поэтому, кстати, в таком аспекте ответственность следует трактовать не как некоторое избыточное моральное дополнение к современности, а как ее сущностный, по сути, конституирующий или необходимый элемент структурирования исторического времени. Иначе говоря, насколько индивиды готовы взять на себя ответственность за те или иные хронологически отдаленные действия, даже если не они сами являлись их причиной, настолько это обстоятельство будет определять, что для них (общества в целом) станет прошлым, а что останется настоящим.

Столь же правомерна и другая стратегия. Поскольку речь идет об отношении к тем или иным объектам, постольку определение, что считать прошлым, а что настоящим, будет зависеть от доминирующих в обществе настроений и/или способности на них воздействовать или сформировать. Поэтому те или иные даже хронологически недавние события могут быть отнесены к прошлому. Современные теоретики памяти недаром посвящают немалое количество страниц анализу так называемых техник забвения, поскольку именно они напрямую связаны со способами отделения прошлого от настоящего или отнесения к прошлому. Как справедливо отмечает Алейда Ассман, забвение следует считать собирательным понятием, «за которым стоят очень разные действия, методы и стратегии» [20. С. 19]. Но в любом случае именно практики забвения могут стать основанием для общественного консенсуса. Не будем специально касаться вопроса, что само решение вопроса, стоит ли помнить или продуктивнее забыть, будет определяться конкретной ситуацией. Тут вряд ли возможна выработка какого-то общего априорного принципа его решения.

В свете тезиса о множественности временных линий даже в одном и том же обществе можно отметить и, так скажем, их более сложные формы, что, наверное, наиболее выпукло проявляется в теме травмы и травматического опыта (хотя и не сводится к ним). Та же Ассман пишет о как минимум четырех моделях обращения с ним [21. С. 195–216], в частности, ссылаясь на Авишя Маргалита, о возможности формирования так называемых поминальных сообществ [21. С. 195–216]. Сергей Ушакин подчеркивает место и роль так называемых сообществ утраты или постравматических сообществ [22. С. 5–41]. В принципе, общество в целом может стать таким поминальным сообществом, о чем и предостерегает Маргалит, что, конечно, уже подразумевает некоторую тяготеющую к негативной оценке данного положения дел.

Видимо, это состояние и именуют стремлением пребывать в прошлом или утверждением, что прошлое не отпускает. Но вполне возможно, что такое положение дел может приобретать локальный характер в виде формирования именно локальных сообществ, что, наверное, можно свести к тем или иным формам «проработки травмы» и воспринимать как свидетельство сосуществования многих временных линий, а может, даже и отсутствия надобности в их синхронизации.

Поэтому с этой точки зрения можно утверждать, что тезис о так называемом преследующем прошлом либо следует воспринимать как метафору, призванную спровоцировать рефлексию по поводу устоявших форм структурирования времени, либо как некоторую имплицитную оценку отношения к тем или иным хронологически отдаленным объектам (типа это уже все в прошлом). Если говорить более категорично, то речь может идти о некоторой некритически усвоенной и идеологически закрепленной позиции, отражающей, помимо прочего, веру, что роль историка как раз должна заключаться в том, чтобы быть хранителем границ, отделяющих прошлое от настоящего. Правда, заметим, что стремление превратить все общество в поминальное сообщество является зеркальным отражением той же самой идеологии.

Итак, ключевая идея статьи заключалась в утверждении, что критерием структурирования времени, в частности исторического времени, следует считать эксплицитные, а скорее, имплицитные (в форме социальных практик) представления, что считать прошлым, а что настоящим. Соответственно, предполагалось, что и было сделано, прокомментировать некоторые последствия данного тезиса. Отдельный и самостоятельный вопрос, который мы здесь специально рассматривать не будем, заключается в том, что из этих представлений явится мифом, идеологией или формой знания и как это может повлиять на отделение прошлого от современности. Но, как представляется, в целом данный подход позволяет увидеть в новом свете или высветить новые аспекты в трактовке времени или как минимум сделать эту тему объектом отдельного и особого интереса у представителей профессиональных сообществ.

Ну и в заключение отметим два последних момента. Во-первых, как представляется, к историческому времени может относиться только прошлое. Строго говоря, настоящее и будущее не могут быть историческими, потому что мы не знаем, хотя можем предполагать, что в современных событиях или процессах приобретет значение. Попытки предпринимаются, и, в частности, хорошим примером можно считать размышления З.Б. Симона [23. Р. 71–84]. Конечно, в широком смысле историческое время может распространяться на настоящее и будущее, если мы предполагаем, что определенные объекты будут иметь и имеют для нас значение и что именно контроль над этими объектами важен для построения будущего или будет формировать будущее. В этом плане можно говорить о программах типа гегелевской философии истории, где именно развитие идеи свободы придает значимость объектам настоящего и будущего в историческом смысле (правда, Гегель, как известно, с сомнением относился к распространению философии истории на сферу будущего), а остальное остается «гнилым существованием». Хотя в свете критики метанарративов вопрос о том, какие именно идеи, объекты, события или процессы будут иметь историческое значение, остается открытым.

Во-вторых, тезис о политическом значении процедуры отделения прошлого от настоящего ставит вопрос о роли профессиональных сообществ в ее осуществлении. Резонно предположить и надеяться на прогрессирующую позитивную степень их вовлеченности в эту процедуру при всех возможных оговорках и комментариях по этому поводу.

Список источников

1. *Артог Ф.* Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html>
2. *Simon Z.B., Tamm M.* The Fabric of Historical Time. Elements in Historical Theory and Practice. Cambridge University Press, 2023. 56 p.
3. *Lianeri A.* Resisting modern temporality: toward a critical history of break in time // History and Theory. 2014. Vol. 53. № 4. P. 603–615.
4. *Lorenz Ch., Bevernage B.* Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future // Storia della Storiografia istoire de l'Historiographie / History of Historiography / Geschichte der Geschichtsschreibung / Rivista internazionale / ed. by F. Serra. Pisa : Roma, 2013. Vol. 63, № 1. P. 31–50.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993. 663 с.
6. *Kidambi P.* Chapter 13 Time, Temporality and History Research Methods for History / ed. by L. Faire, S. Gunn. Edinburgh University Press, 2016. P. 220–237.
7. *Rüsen J.* Tradition: A Principle of Historical Sense-Generation and Its Logic and Effect in Historical Culture // History and Theory. 2014. Vol. 51, № 4. P. 45–59.
8. *Rüsen J.* How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. Vol. 43, № 4. P. 118–129.
9. *Simon Z.B.* Historicism and constructionism: rival ideas of historical change // History of European Ideas. 2019. Vol. 45, № 8. P. 1171–1190.
10. *Tamm M.* Introduction: A Framework for Debating New Approaches to History / ed. by M. Tamm, P. Burke. Debating New Approaches to History. London : Bloomsbury Publishing, 2018. P. 1–21.
11. *Бевернаж Б.* «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе историцистского прошлого // Логос. Философско-литературный журнал. 2021. Т. 31, № 4. С. 65–94.
12. *Бевернаж Б.* Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 174–202.
13. *Симон З.Б.* Трансформация исторического времени: процессуальные и событийные темпоральности // Логос. 2018. Т. 34, № 4. С. 218–222.
14. *Головашина О.В.* От интерсубъективности к интеробъективности: социальная онтология времени. М. : Аквилон, 2019. 336 с
15. *Carr D.* Time, Narrative, and History. Indiana Univ. Press, 1991. 190 p.
16. *Koselleck R.* Futures past: on the semantics of historical time. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1985. 317 p.
17. *Гегель Г.В.Ф.* Введение // Лекции по философии истории / пер. с нем. А.М. Водена. СПб. : Наука, 1993. С. 57–88.
18. *Данто А.* Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. М. : Идея-Пресс, 2002. 292 с.
19. *Боллингброк.* Письма об изучении и пользе истории / пер. с англ. С.М. Берковской, А.С. Розенцвейга, А.Т. Парфенова. М. : Наука, 1978. 359 с.
20. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. 2019. М. : Новое лит. обозрение, 552 с.
21. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 226 с.
22. *Ушакин С.А.* Предисловие. «Нам этой болью дышать»? : О травме, памяти и сообществах... Травма: Пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М. : Новое лит. обозрение, 2009. С. 5–41.

23. Simon Z.B. The Transformation of Historical Time: Processual and Evental Temporalities // Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / ed. by M. Tamm, L. Olivier. London : Bloomsbury, 2019. P. 71–84.

References

1. Artog, F. (2008) Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti [The order of time, regimes of historicity]. *Neprikosnovenny zapas*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html>
2. Simon, Z.B. & Tamm, M. (2023) *The Fabric of Historical Time. Elements in Historical Theory and Practice*. Cambridge University Press.
3. Lianeri, A. (2014) Resisting modern temporality: toward a critical history of break in time. *History and Theory*. 53(4). pp. 603–615.
4. Lorenz, Ch. & Bevernage, V. (2013) Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future. *Storia della Storiografia*. 63(1). pp. 31–50.
5. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
6. Kidambi, R. (2016) Time, Temporality and History. In: Faire, L. & Gunn, S. (eds) *Research Methods for History*. Edinburgh University Press. pp. 220–237.
7. Rüsen, J. (2014) Tradition: A Principle of Historical Sense-Generation and Its Logic and Effect in Historical Culture. *History and Theory*. 51(4). pp. 45–59.
8. Rüsen, J. (2004) How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century. *History and Theory*. 43(4). pp. 118–129.
9. Simon, Z.B. (2019) Historicism and constructionism: rival ideas of historical change. *History of European Ideas*. 45(8). pp. 1171–1190.
10. Tamm, M. (2018) Introduction: A Framework for Debating New Approaches to History. In: Tamm, M. & Burke, P. (eds) *Debating New Approaches to History*. London: Bloomsbury Publishing. pp. 1–21.
11. Bevernage, B. (2021) “Proshedshest' proshlogo”: nekotorye razmyshleniya o politike istorizatsii i krizise istoristskogo proshlogo [“The Past of the Past”: Some Reflections on the Politics of Historicization and the Crisis of the Historicist Past]. *Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal*. 31(4). pp. 65–94.
12. Bevernage, B. (2016) Allokhronizm, ravenstvo vo vremeni i sovremennost'. Kritika proekta radikal'noy sovremennosti Yokhannesa Fabiana i dovody v pol'zu novoy politiki vremeni [Allochronism, Equality in Time, and Modernity. Critique of Johannes Fabian's Radical Modernity Project and Arguments for a New Politics of Time]. *Sotsiologiya vlasti*. 28(2). pp. 174–202.
13. Simon, Z.B. (2018) Transformatsiya istoricheskogo vremeni: protsessual'nye i sobytiynye temporal'nosti [Transformation of Historical Time: Processual and Event Temporalities]. *Logos*. 34(4). pp. 218–222.
14. Golovashina, O.V. (2019) *Ot intersub"ektivnosti k interob"ektivnosti: sotsial'naya ontologiya vremeni* [From Intersubjectivity to Interobjectivity: Social Ontology of Time]. Moscow: Akvilon.
15. Carr, D. (1991) *Time, Narrative, and History*. Indiana University Press.
16. Koselleck, R. (1985) *Futures past: on the semantics of historical time*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
17. Hegel, G.W.F. (1993) *Leksii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. Translated from German by A.M. Woden. St. Petersburg: Nauka. pp. 57–88.
18. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O.V. Gavrishina. Moscow: Ideya-Press.
19. Bolingbroke. (1978) *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii* [Letters on the Study and Usefulness of History]. Translated from English by S.M. Berkovskaya, A.S. Rozentsveyg, A.T. Parfenov. Moscow: Nauka.
20. Assman, A. (2019) *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriey* [Forgetting History – Obsession with History]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnie obozrenie.
21. Assman, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New Discontent with Memorial Culture]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnie obozrenie.
22. Oushakine, S.A. (2009) Predislovie. “Nam etoy bol'yu dyshat”? O travme, pamyati i soobshchestvakh [Preface. “Should We Breathe This Pain?”: On Trauma, Memory, and Communities....]. In: Oushakine, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: Punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe literaturnie obozrenie. pp. 5–41.

23. Simon, Z.B. (2019) The Transformation of Historical Time: Processual and Evental Temporalities. In: Tamm, M. & Olivier, L. (eds) *Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism*. London: Bloomsbury. pp. 71–84.

Сведения об авторах:

Сыров В.Н. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: narrat59@gmail.com

Агафонова Е.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: agaton1810@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Syrov V.N. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

Agafonova E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: agaton1810@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.04.2023;
одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 14.04.2023;
approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*